

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

КОРНЕЛИУС РАЙАН

ПОСЛЕДНЯЯ
БИТВА

Штурм Берлина глазами очевидцев

Корнелиус Райан

**Последняя битва. Штурм
Берлина глазами очевидцев**

«Центрполиграф»

Райан К.

Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев /
К. Райан — «Центрполиграф»,

Классическое произведение Райана, одного из лучших военных репортеров прошедшего столетия, посвящено истории битвы за Берлин – последней битвы Второй мировой войны. Автор показывает трагедию изнутри, глазами очевидцев и участников событий: от солдата до маршала, от эсэсовца до монахини. Достигая «эффекта присутствия», с поразительной объективностью исследуются чувства проигравшего диктатора и шквал вырвавшегося напряжения наступающих. Не обойдена ни одна сторона жизни человеческого сообщества, не забыто ни одно злодеяние, ни одна «слезинка ребенка».

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Корнелиус Райан

Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев

Эта книга посвящается мальчику, родившемуся в Берлине в последние месяцы войны. Его имя Петер Фехтер. В 1962 году он был расстрелян из пулемета своими соотечественниками и оставлен умирать от потери крови у самого трагического памятника победе союзников – Берлинской стены

Излагая военные события, я не осмеливался пользоваться случайной информацией либо собственными фантазиями; я не описал ничего, что не видел бы своими глазами или не узнал от тех, кого подверг самым тщательным и детальным расспросам. Это была трудоемкая задача, так как свидетели одних и тех же событий описывают их по-разному, как они помнят, или же они являются заинтересованными сторонами и искажают факты намеренно. Очень возможно, что строго исторический характер моего повествования разочарует кого-то. Но если человек, пожелавший увидеть истинную картину произошедших событий... сочтет написанное мной полезным, я буду удовлетворен.
Фукидид. История Пелопоннесской войны. Том I. 400 г. до н. э.

Предисловие

День А, понедельник 16 апреля 1945 года

Битва за Берлин, последняя атака на гитлеровский Третий рейх, началась ровно в четыре часа утра в понедельник 16 апреля 1945 года, или в день «А», как назвали его западные союзники. В тот момент менее чем в 38 милях к востоку от немецкой столицы красные сигнальные ракеты разорвали ночную тьму над вздувшимися водами Одера, возвестив о начале ошеломляющего артиллерийского обстрела города, предвещавшего наступление русских.

Примерно в то же самое время части 9-й армии США повернули от Берлина на запад, чтобы занять новые позиции на Эльбе между Тангермюнде и Барби. 14 апреля генерал Эйзенхауэр решил остановить англо-американское наступление на территории Германии.

«Берлин, – заявил он, – больше не является военной целью». Когда это заявление стало известно в американских войсках, некоторые их подразделения находились всего в 45 милях от Берлина.

С началом штурма оцепеневшие от ужаса берлинцы, прятаясь в развалинах разбомбленного города, остались верны единственной политике, которая теперь имела значение, – «политике выживания». Еда стала важнее любви, надежное убежище – достойнее сражения, выживание – более правильной военной целью, чем победа.

Эта книга – история последней битвы, штурма и захвата Берлина.

Хотя в нее включены описания сражений, это не военный доклад. Скорее, это история обычных людей, солдат и гражданских лиц, охваченных ужасом и отчаянием поражения, и история победителей.

Часть первая

Город

Глава 1

На северных широтах рассвет наступает рано.

Бомбардировщики только покидали берлинское небо, а первые солнечные лучи уже разгорались на востоке. В утренней тишине огромные черные столбы дыма поднимались над кварталами Панкова, Вейсензе и Лихтенберга. При низкой облачности трудно было отличить мягкий солнечный свет от отблеска пожаров.

В пелене дыма, дрейфующей над развалинами, возвышался в окостеневшем, жутком великолепии город, подвергшийся таким страшным бомбардировкам, каких не знал ни один другой город Германии. Он почернел от сажи, покрылся оспинами тысяч воронок и кружевами скрученных балок. Огромные дома смело с лица земли, а в центре столицы были уничтожены целые кварталы. Широкие дороги и улицы превратились в изрытые воронками тропы, змеящиеся между горами строительного мусора. И повсюду остовы зданий тарашились пустыми глазницами окон.

Обрушившаяся вслед за бомбами масса сажи и пепла засыпала руины. В глубоких каньонах битого кирпича и искореженной стали безмолвно клубилась пыль. Пыль неслась и по широкой Унтер-ден-Линден между редкими, случайно уцелевшими зданиями банков, библиотек и дорогих магазинов. Липы, давшие название улице, стояли обнаженными, свежие почки сгорели прямо на ветвях. Бранденбургские ворота высотой с восьмизэтажный дом, выщербленные и изрезанные осколками, возвышались на двенадцати массивных дорических колоннах напоминанием о былых триумфальных шествиях. Соседняя Вильгельмштрассе, вдоль которой тянулись правительственные здания и бывшие дворцы, была засыпана мусором и осколками стекла. Номер 73, прекрасный маленький дворец, служивший резиденцией германским президентам до воцарения Третьего рейха, сгорел дотла. Когда-то его называли миниатюрным Версалем; теперь у колоннады портика валялись разбитые вдребезги морские нимфы, прежде украшавшие фонтан, а с верхнего карниза склонялись над замусоренным двором две обезглавленные статуи рейнских дев.

В квартале от дворца среди груд щебня стоял весь в шрамах, но целый номер 77 – трехэтажное желтовато-коричневое здание в форме буквы «L». Над каждым входом парили сверкающие позолотой, израненные осколками орлы, сжимавшие в когтях венки со свастиками в центре. Фасад щеголял внушительных размеров балконом, с которого на мир обрушивалось множество безумных речей. Имперская канцелярия, канцелярия Адольфа Гитлера, не пострадала.

В верхнем конце разбитой Курфюрстендам возвышался деформированный остов когда-то фешенебельной церкви памяти кайзера Вильгельма. Стрелки на обуглившемся циферблате остановились ровно на 7.30; это время они показывали с того ноябрьского вечера, когда бомбы уничтожили тысячу акров города.

В сотне ярдов от церкви раскинулись «джунгли обломков» – всемирно известный Берлинский зоопарк. Аквариум был разрушен полностью. Террариуму, жилищам гиппопотамов, кенгуру, тигров и слонов, как и дюжинам других построек, был нанесен серьезный ущерб. Окружающий зоопарк Тиргартен, знаменитый парк в 630 акров, превратился в пустырь с огромными воронками, заваленными мусором озерами и частично разрушенными посоль-

скими зданиями. Когда-то парк был естественным лесом с пышными деревьями. Сейчас большинство из них сгорело и повсюду торчали безобразные пни.

В северо-восточном углу Тиргартена громоздились самые «живописные» берлинские руины – результат не союзнических бомбардировок, а немецкой политики. Огромный рейхстаг, здание парламента, был преднамеренно подожжен нацистами в 1933 году, а в поджоге обвинили коммунистов, тем самым предоставив Гитлеру предлог для захвата абсолютной, диктаторской власти. На осыпающемся портике над шестью колоннами входа, обращенного к морю мусора, почти поглотившему здание, можно было прочесть почерневшие высеченные слова: «Dem Deutschen Volke» – «Немецкому народу».

Когда-то перед рейхстагом стоял скульптурный комплекс, тоже разрушенный, весь, кроме одного элемента – колонны высотой в 200 футов из темно-красного гранита на массивном основании. После пожара 1933 года Гитлер приказал ее переместить, и теперь она стояла в миле от рейхстага на Шарлоттенбургер-Шоссе, ближе к центру оси восток – запад – автомагистрали, пересекавшей город приблизительно от реки Хавель на западе до конца Унтер-ден-Линден на востоке. В это мартовское утро лучи восходящего солнца осветили позолоченную статую на вершине колонны: крылатую фигуру с лавровым венком в одной руке и штандартом Железного креста в другой – статую Победы, не тронутый бомбами изящный берлинский мемориал посреди заброшенной земли.

Над измученным городом сирены завывали сигнал отбоя. Закончился 314-й рейд союзников на Берлин. В первые годы войны налеты были единичными, но сейчас бомбардировки практически не прекращались: американцы бомбили днем, военно-воздушные силы Великобритании – ночью. Количество разрушений увеличивалось почти ежечасно и достигло ошеломляющих масштабов. Взрывы бомб превратили в пустыню более десяти квадратных миль застройки – в десять раз больше, чем площадь Лондона, разрушенная люфтваффе. Три миллиарда кубических футов обломков завалили улицы – все вместе могло бы составить гору высотой более тысячи футов. Почти половина из 1 562 000 берлинских зданий понесли тот или иной урон, каждый третий дом был или полностью разрушен, или непригоден для проживания. Людские потери были так высоки, что их никогда не удастся точно подсчитать, но по меньшей мере 52 000 человек погибли и вдвое больше были серьезно ранены. Это в пять раз больше убитых и тяжело раненных, чем при бомбежках Лондона. Берлин стал вторым Карфагеном, а агония еще не наступила.

Удивительно, что люди вообще смогли выжить в этом царстве опустошения, но среди руин, противореча здравому смыслу, продолжалась «нормальная» жизнь. Двенадцать тысяч полицейских все еще несли службу. Почтальоны разносили почту; газеты выходили ежедневно; не прерывалась телефонная и телеграфная связь. Мусор вывозился. Были открыты кинотеатры, театры и даже часть разрушенного зоопарка. Берлинская филармония заканчивала сезон. Универмаги проводили распродажи. Продуктовые лавки и булочные открывались каждое утро, прачечные, химчистки и парикмахерские не испытывали недостатка в клиентах. Работали метро и надземка; немногие не пострадавшие от бомбежки бары и рестораны были переполнены. И почти на каждой улице, как и в мирное время, слышались пронзительные голоса берлинских цветочниц.

Может быть, самым удивительным было то, что работало более 65 процентов крупных берлинских заводов и фабрик. Почти 600 000 человек имели работу – вот только добраться до места работы было непросто. Дорога часто занимала несколько часов. Улицы были запружены транспортом: сплошные объезды, снижение скорости и аварии. Из-за этого берлинцам приходилось рано вставать. Все хотели добраться до работы вовремя, потому что американцы, сами ранние пташки, часто начинали бомбить город в девять утра.

В это солнечное утро в двадцати протяженных городских районах берлинцы выползали на свет, как пещерные люди эпохи неолита. Они появлялись из недр метрополитена, из бомбоубежищ под общественными зданиями, из подвалов своих разрушенных домов. Какими бы разными ни были их надежды и страхи, их верования и политические убеждения, одно у берлинцев было общим: те, кто пережили еще одну ночь, были полны решимости прожить еще один день.

То же можно сказать и обо всей нации. На шестом году Второй мировой войны гитлеровская Германия отчаянно боролась за выживание. Рейх, собиравшийся властвовать тысячелетие, был оккупирован с запада и востока. Англоамериканские войска подошли к великому Рейну, прорвались в Ремаген и устремились к Берлину. Они были всего лишь в трехстах милях к западу от столицы. На восточных берегах Одера материализовалась гораздо более близкая и бесконечно более страшная угроза. Всего в 50 милях от Берлина стояли русские армии.

Наступила среда, 21 марта 1945 года. В то утро берлинцы слышали по радио самый свежий шлагер тех дней: «Это будет весна без конца».

Глава 2

Каждый из берлинцев реагировал на угрозу по-своему. Некоторые упрямо игнорировали опасность, надеясь, что все обойдется. Другие куражились. Кто-то был охвачен гневом и страхом, а кто-то ощущал себя загнанным в угол зверем, приготовившимся храбро встретить свою судьбу.

В Целендорфе, юго-западном районе Берлина, как обычно, проснулся с рассветом молочник Рихард Погановска. В былые годы его каждодневные обязанности часто казались ему однообразными и скучными, теперь он испытывал к ним благодарность. Погановска работал на Далемской государственной ферме, существовавшей уже триста лет. Эта ферма находилась на самой модной окраине Целендорфа – в Далеме, всего в нескольких милях от центра огромной столицы. В любом другом городе такое расположение молочной фермы сочли бы странным, – в любом, но не в Берлине. Одну пятую всей территории города занимали парки и лесные массивы с озерами, каналами и речками. И все же Погановска, как многие другие работники, предпочел бы, чтобы ферма находилась где–нибудь в другом месте, подальше от города, от опасностей и постоянных бомбежек.

Сам Погановска, его жена Лизбет и трое их детей опять провели ночь в подвале большого дома на Кенигин-Луиз-Штрассе. Из-за грохота зениток и разрывов бомб заснуть было практически невозможно. Как и все остальные берлинцы в те дни, высокий тридцатидевятилетний молочник испытывал постоянную усталость.

Он понятия не имел, куда падали бомбы в ту ночь, но он точно знал, что ни одна бомба не упала вблизи больших коровников. Бесценное молочное стадо не пострадало. Казалось, ничто не тревожит этих коров. Посреди разрывов бомб и грохота зениток они безмятежно и терпеливо жевали свою жвачку и продолжали давать молоко. Погановска не переставал этому удивляться.

Рихард вяло загрузил свою старую коричневую тележку и прицеп, запряг двух своих лошадей, рыжеватых Лизу и Ганса, и, посадив на сиденье рядом с собой шпица Полди, отправился по привычному маршруту. Тележка с грохотом пересекла вымощенный булыжником двор, свернула направо, на Пацелли-Алле, и покатила на север к Шмаргендорфу. Было шесть часов утра. Только к девяти вечера Рихард закончит работу.

Измотанный, истосковавшийся по нормальному сну, Погановска не изменил своему характеру, неунывающему и резковатому, и стал чем-то вроде тонизирующего средства для 1200 клиентов. Его путь лежал по окраинам трех больших районов: Целендорфа, Шенеберга и Вильмерсдорфа. Все три серьезно пострадали от бомбежек; Шенеберг и Вильмерсдорф, расположенные ближе всего к центру города, были почти полностью уничтожены. В одном только Вильмерсдорфе было разрушено более 36 000 жилищ, и почти половина из 340 000 жителей обоих районов осталась без крыши над головой. В подобных обстоятельствах веселое лицо было редким и желанным зрелищем.

Даже в столь ранний час на каждом перекрестке Рихарда Погановска ждали люди. В те дни очереди выстраивались повсюду: к мяснику, к булочнику, даже за водой, когда бомбы попадали в водопроводные магистрали. Несмотря на то что покупатели уже ждали его, Погановска звонил в большой колокольчик, объявляя о своем прибытии. Он завел этот обычай в начале года, когда участились дневные авианалеты и он не мог больше доставлять молоко к каждому порогу. Для его покупателей и колокольчик, и сам Погановска стали неким символом.

То утро ничем не отличалось от других. Погановска приветствовал своих клиентов и скупно отмерял по продовольственным карточкам молоко и молочные продукты. С некоторыми из этих людей он был знаком почти десять лет, и они знали, что время от времени могут рассчитывать на небольшой добавок. Манипулируя продовольственными карточками, Погановска

обычно мог выкроить чуть больше молока или сливок на такие особые торжества, как крещение или свадьбы. Безусловно, это было незаконно, а потому рискованно, но всем берлинцам в эти дни приходилось рисковать.

С каждым днем покупатели Рихарда казались все более усталыми, напряженными и озабоченными. Мало кто теперь говорил о войне. Никто не знал, что происходит, и, в любом случае, никто ничего не мог изменить. И без них хватало кабинетных стратегов. Погановска не провоцировал обсуждение новостей. Погружаясь в свою пятнадцатичасовую ежедневную рутину и отгоняя мысли о войне, он, как и тысячи других берлинцев, становился почти невосприимчивым к суровой действительности.

Каждый день теперь Погановска видел определенные знаки, помогавшие ему не удаться в панику. Во-первых, дороги все еще были открыты. Во-вторых, на главных улицах не было ни контрольно-пропускных пунктов, ни противотанковых заграждений, ни артиллерийских установок или вкопанных танков, ни солдат, занявших тактически важные позиции. Ничто не указывало на то, что власти боятся атаки русских, или на то, что Берлину угрожает осада.

Была, правда, одна маленькая, но важная путеводная нить. Каждое утро, когда Погановска ехал через те кварталы Фриденау, где проживали наиболее выдающиеся граждане, он бросал взгляд на дом одного известного нациста, высокопоставленного чиновника берлинского почтового ведомства. Через открытые окна гостиной виднелась большая картина в массивной раме. Аляповатый портрет Адольфа Гитлера, надменного и самоуверенного, все еще висел на своем месте. Погановска хорошо знал повадки бюрократов Третьего рейха. Если бы ситуация действительно была критической, этот алтарь фюрера давно бы уже исчез.

Рихард тихо причмокнул, погоняя лошадей, и продолжил свой путь. Несмотря ни на что, он пока не видел оснований для чрезмерной тревоги.

Ни одной части города не удалось полностью избежать бомбардировок, но Шпандау, второй по величине и самый западный район Берлина, не испытал самого страшного – бомбового удара по площади со сплошным поражением. Ночь за ночью обитатели Шпандау ожидали массированного налета и удивлялись, не дождавшись его, ибо Шпандау был центром мощной берлинской военной промышленности.

В отличие от самых центральных районов города, разрушенных на 50–75 процентов, Шпандау потерял всего лишь десять процентов своей застройки. Хотя в эти десять процентов входило более тысячи разрушенных либо непригодных к использованию домов, по меркам закаленных бомбежками берлинцев это был всего лишь комариный укус. На обугленных пустырях центральных районов бытовала едкая поговорка: «Die Spandauer Zwerge kommen zuletzt in die Sarge» – «Маленькие шпандайчики последними доберутся до своих гробов».

На самой западной окраине Шпандау, в тихом, пасторальном Штакене, Роберт и Ингеборг Кольб благодарили судьбу за то, что живут в «тихой заводи». Сюда лишь иногда залетали бомбы, не попавшие в ближайший аэродром, и ущерб они причиняли незначительный. Двухэтажный, оштукатуренный, оранжево-коричневый дом с застекленной верандой и лужайкой с садом остался целехоньким. Жизнь супругов текла почти нормально, если только не считать, что Роберту, пятидесятичетырехлетнему техническому директору типографии, с каждым днем все труднее было добираться на работу в центр города, к тому же подвергавшийся дневным авианалетам. То есть Роберт ежедневно испивал всю чашу страданий до дна, а Ингеборг не находила себе места от тревоги.

В этот вечер чета Кольб планировала, как обычно, послушать радиопередачу Би-би-си на немецком языке, хотя это было давно запрещено. Роберт и Ингеборг пристально следили за наступлением союзников с востока и запада. С восточных окраин Берлина до позиций Красной армии можно было бы доехать на автобусе. Однако убаюканные сельской атмосферой сво-

его Штакена супруги считали угрозой городу неправдоподобной, война казалась им отдаленной и нереальной. Роберт Кольб был убежден, что они в полной безопасности, а Ингеборг была убеждена, что Роберт всегда прав. В конце концов, ее муж был ветераном Первой мировой войны. «Война обойдет нас стороной», – уверял жену Роберт.

Вполне уверенные в том, что, что бы ни случилось, их это не коснется, супруги Кольб спокойно смотрели в будущее.

С приходом весны Роберт размышлял, где в саду лучше повесить гамаки. У Ингеборг были свои заботы: она планировала посадить шпинат, петрушку, салат-латук и ранний картофель. У нее оставалась одна важная нерешенная проблема: посадить ранний картофель в начале апреля или подождать более устойчивых весенних дней мая.

* * *

В своем штабе, размещенном в сером оштукатуренном трехэтажном доме на окраине Ландсберга, в 25 милях от Одера, маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, сидя за письменным столом, обдумывал собственные планы. На одной из стен висела большая карта Берлина, в деталях отражавшая предложенный Жуковым план штурма столицы. На его письменном столе стояли три полевых телефона. Один – для общей связи; второй соединял его с коллегами: маршалами Константином Рокоссовским и Иваном Степановичем Коневым, командующими огромными армейскими группировками на его северном и южном флангах. Третий телефон – прямая связь с Москвой и Верховным главнокомандующим Иосифом Сталиным. Крепкий, 49-летний командующий 1-м Белорусским фронтом разговаривал со Сталиным каждый вечер в одиннадцать часов и докладывал о дневных успехах. Сейчас Жуков размышлял о том, как скоро Сталин отдаст приказ штурмовать Берлин. Он надеялся, что у него еще есть какое-то время. В случае крайней нужды он мог бы взять город немедленно, но пока был еще не совсем готов. Предварительно Жуков планировал штурм Берлина где-то на конец апреля. При благоприятном стечении обстоятельств он мог бы дойти до Берлина и подавить его сопротивление за десять – двенадцать дней. Немцы будут сражаться за каждый дюйм, этого он ожидал. Вероятно, ожесточеннее всего они будут драться на западных подступах к городу. Там, насколько он мог видеть, пролегал единственный возможный путь к отступлению для защитников города. Однако Жуков планировал ударить с двух сторон, когда немцы попытаются вырваться из кольца.

Он предчувствовал страшную бойню на первой неделе мая в районе Шпандау.

* * *

В Вильмерсдорфе, в своей квартире на втором этаже, Карл Йоганн Виберг распахнул защищенную ставнями балконную дверь, вышел на маленький балкон и осмотрелся, оценивая погоду. Подковыляли его постоянные компаньоны Дядя Отто и Тетя Эффи, две темно-каштановые таксы, и выжидательно уставились на хозяина – подошло время их утренней прогулки.

В те дни у Виберга не было практически никаких дел, кроме выгуливания собак. Всем соседям нравился сорокадевятилетний шведский бизнесмен. Они считали его, во-первых, «хорошим берлинцем» и только во-вторых – шведом: когда начались бомбежки, он не покинул город, как многие другие иностранцы. Более того, хотя Виберг никогда не жаловался на постигшие его беды, соседи знали, что он потерял почти все. Жена его умерла в 1939 году. Его фабрики по производству клея были разбомблены. После тридцати лет мелкого предпринимательства в Берлине у него остались лишь собаки и квартира. По мнению некоторых его соседей, Виберг был гораздо более истинным немцем, чем многие немцы.

Виберг посмотрел сверху вниз на Дядю Отто и Тетю Эффи и сказал: «Пора гулять». Он закрыл балконную дверь и прошел через гостиную в маленькую прихожую, где надел прекрасно сшитый «честерфилд», пальто в талию с бархатным воротником, и тщательно вычищенную фетровую шляпу. Открыв ящик полированного столика красного дерева, Виберг достал пару замшевых перчаток и на мгновение замер, глядя на яркую литографию в рамочке, лежавшую в ящике.

Это было изображение рыцаря в полных доспехах верхом на неистовом белом жеребце. На древке копья развевалось знамя. Под поднятым забралом шлема яростно сверкали глаза. На лоб рыцаря падала прядь волос, над верхней губой красовались тонкие черные усики. На стяге можно было прочитать: «Der Bannertrager» – «Знаменосец».

Виберг медленно закрыл ящик. Он прятал литографию, потому что это изображение Гитлера было запрещено по всей Германии. Однако Виберг не желал избавляться от нее: картинка была слишком забавной, чтобы ее выбрасывать.

Защелкнув карабины поводков, Виберг аккуратно запер за собой парадную дверь и, спустившись на два лестничных пролета, вышел на мощенную булыжником улицу. У подъезда он встретил соседей и коснулся полей шляпы в знак приветствия, а затем, с собаками на поводках, отправился в путь, осторожно обходя выбоины. Интересно, где сейчас, когда конец близок, находится «Знаменосец», размышлял Виберг. В Мюнхене? В горном «Орлином гнезде» в Берхтесгадене? Или здесь, в Берлине? Похоже, никто не знает, хотя в этом нет ничего удивительного. Местопребывание Гитлера всегда держалось в большом секрете.

В это утро Виберг решил заглянуть в свой любимый бар, к Гарри Россу в доме номер 7 по Несторштрассе. Клиентура бара была довольно пестрой: нацистские шишки, офицеры и кучка бизнесменов. Здесь велись неспешные беседы и можно было узнать последние новости: куда ночью падали бомбы, какие фабрики разрушены, как Берлин все это выдерживает. Вибергу нравилось встречаться со старыми друзьями в дружеской обстановке, и его интересовали все аспекты войны, особенно результаты бомбардировок и моральный дух немецкого народа. В особенности ему хотелось узнать, где находится Гитлер. Перейдя улицу, Виберг снова поприветствовал старого знакомого. По правде говоря, Виберг знал кое-какие ответы на интересующие его вопросы, что сильно удивило бы его соседей, ибо этот швед, которого считали истинным немцем по духу, был также сотрудником сверхсекретного американского Управления стратегических служб. Он был шпионом союзников.

Доктор Артур Лекшейдт, протестантский пастор Меланхтонской церкви в Крейцберге, был охвачен горем и отчаянием. Его церковь, готическая, с двумя шпилями, была разрушена, а паства рассеялась. Руины церкви виднелись из окон его квартиры, расположенной на первом этаже. Зажигательная бомба попала прямо в церковь, и через минуту все здание было охвачено огнем.

Прошло уже несколько недель, но горе не притупилось. Однажды в разгар налета, забыв о собственной безопасности, пастор Лекшейдт вбежал в горящую церковь. Алтарная часть величественного здания и великолепный орган были еще невредимы. Взяв по узким ступенькам на хоры, Лекшейдт думал только об одном: успеть сказать последнее прощание любимому органу и церкви. С глазами полными слез доктор Лекшейдт играл свою прощальную песнь. Изумленные пациенты ближайшей городской больницы и жители, укрывшиеся в подвалах соседних домов, слышали, как под аккомпанемент рвущихся над Крейцбергом бомб меланхтонский орган исполняет гимн «В жесточайшей нужде я взываю к Тебе».

Сейчас пастор тоже прощался, но прощание его было другого рода. Перед ним на письменном столе лежал черновик письма к тем его многочисленным прихожанам, которые покинули город или служили в армии. «В то время, как сражения на востоке и западе держат нас в постоянном напряжении, – писал пастор, – немецкая столица подвергается непрерывным

воздушным налетам... вы можете представить, дорогие друзья, какой богатый урожай собирает смерть. Гробов не хватает. Одна женщина рассказала мне, что предложила двадцать фунтов меда за гроб для своего погибшего мужа». Выводя следующие строки, доктор Лекшейдт испытывал не только скорбь, но и гнев. «Нас, священников, не всегда призывают на похороны жертв авианалетов. Часто партия проводит похороны без священника... без Божьего слова». Снова и снова пастор описывал разрушения города. «Вы не представляете, как выглядит теперь Берлин. Прекраснейшие здания превратились в руины... У нас часто нет ни газа, ни света, ни воды. Бог спасает нас от голода! На черном рынке продукты стоят невероятно дорого». Заканчивалось письмо на горькой, безнадежной ноте: «Не знаю, когда снова смогу передать вам весточку. Вероятно, скоро все связи будут разорваны. Увидимся ли мы когда-нибудь? Все в руках Божьих».

Другой священник, отец Бернард Хаппих, целенаправленно пробирался на велосипеде по заваленным обломками улицам Далема. Уже несколько недель его беспокоила одна деликатная проблема. Ночь за ночью он просил у Бога совета и размышлял, как поступить. Теперь решение было принято.

Услуги священников пользовались огромным спросом, но особенно справедливым это утверждение было в отношении отца Хаппиха. 55-летний священник, поперек удостоверения личности которого было проштемпелевано «Иезуит: не пригоден к военной службе» (подобное нацистское клеймо предназначалось для евреев и прочих опасных, подозрительных личностей), был еще и высококвалифицированным доктором медицины. У отца Хаппиха было множество обязанностей, и, кроме всего прочего, он был духовным отцом Далемского дома – сиротского приюта, родильного дома и приюта для подкидышей, управляемого миссией сестер Пресвятого Сердца. Именно мать – настоятельница Кунегундес и ее паства стали причиной сомнений и принятого священником решения.

Отец Хаппих не питал никаких иллюзий на счет нацистов или исхода войны. Он давным-давно понял, что Гитлер и его жестокий «новый порядок» обречены на гибель. Теперь решительный момент стремительно приближался. Берлин в капкане и скоро окажется во власти завоевателей. Что станет с Далемским домом и его добрыми, но совершенно непрактичными сестрами?

Отец Хаппих остановился у Далемского дома. Здание было повреждено незначительно, и сестры были уверены, что их молитвы услышаны. Отец Хаппих не разубеждал их, но, будучи практичным человеком, думал, что чуду немало поспособствовали удача сестер и ошибки наводчиков.

Проходя через холл, священник поднял глаза на огромную статую в голубых с золотом одеждах: святой Михаил, предводитель небесного воинства, борец со вселенским злом, стоял высоко поднимая меч. Хотя вера сестер в святого Михаила была вполне обоснованной, отец Хаппих радовался тому, что принял свое решение. Как и все остальные, он слышал рассказы беженцев, спасающихся от наступающих русских, об ужасах, творящихся на востоке Германии. Многие, как он был уверен, было сильно преувеличено, но кое-что было правдой. Поэтому он решил предупредить сестер. Оставалось правильно рассчитать время и, главное, подобрать единственно верные слова. Отец Хаппих был сильно встревожен. Ну как сообщить шестидесяти монахиням и послушницам, что им грозит изнасилование?

Глава 3

Страх сексуального насилия пленой накрыл город, ибо Берлин после почти шести лет войны был, главным образом, городом женщин.

Вначале, в 1939 году, в столице проживало 4 321 000 человек. Однако огромные боевые потери, призыв на военную службу как мужчин, так и женщин и добровольная эвакуация миллиона горожан в более безопасную сельскую местность в 1943–1944 годах сократили эту цифру более чем на треть. Теперь мужское население Берлина составляли в основном дети до восемнадцати лет и мужчины после шестидесяти. Число мужчин в возрасте от 18 до 30 лет едва достигало 100 000, и большую их часть составляли освобожденные от воинской повинности или раненые. В январе 1945 года население города оценивалось в 2 900 000 человек, но для середины марта эта цифра, безусловно, была слишком велика. После восьмидесяти пяти авианалетов менее чем за одиннадцать недель и перед лицом угрожавшей городу осады многие бежали. Военные власти теперь оценивали гражданское население Берлина в 2 700 000 человек, из которых более двух миллионов были женщины, но и эти цифры были всего лишь приблизительными, хотя и основанными на имеющейся информации.

Получение истинной цифры осложнялось колоссальным исходом беженцев из оккупированных Советами восточных областей. По некоторым данным, число беженцев достигало 500 000. Сорвавшись с насиженных мест, они тащили свои жалкие пожитки на спине, в запряженных лошадьми или ручных тележках и зачастую гнали перед собой домашних животных. Уже несколько месяцев все дороги на Берлин были забиты нескончаемым потоком гражданских лиц. Большинство из них не оставались в столице, а двигались дальше на запад, но за ними тянулся шлейф кошмарных историй; их рассказы о пережитом распространялись по Берлину, как эпидемия, заражая многих горожан смертельным страхом.

Беженцы рассказывали о мстительном, свирепом и мародерствующем завоевателе. Люди, бегущие от польской границы или из оккупированных районов Восточной Пруссии, Померании и Силезии, создавали образ врага, не ведавшего снисхождения. Беженцы утверждали, что русская пропаганда подстрекает Красную армию не щадить никого. Они рассказывали о манифесте, якобы написанном главным советским пропагандистом Ильей Эренбургом. Манифест распространялся в Красной армии по радио и через листовки. «Убивайте! Убивайте! – призывал манифест. – В немецкой расе нет ничего, кроме зла!.. Следуйте указаниям товарища Сталина. Истребите фашистского зверя в его берлоге раз и навсегда! С помощью силы сломите расовую гордость немецких женщин. Возьмите их, как ваш законный трофей. Убивайте! Штурмуйте и убивайте! Вы – доблестные солдаты Красной Армии!»¹

¹ Я не видел эту листовку Эренбурга. Однако ее видели многие из тех, кого я интервьюировал. Более того, она неоднократно упоминалась в немецких газетах, военных дневниках и бесчисленных историях. Наиболее полная ее версия появилась в «Мемуарах» адмирала Деница, с. 179. Я не сомневаюсь в том, что эта листовка действительно существовала, но я подвергаю сомнению ее интерпретацию, ибо общеизвестно, что немецкие переводы с русского были неточными. Однако Эренбург писал и другие памфлеты, такие же безнравственные, в чем может убедиться любой, ознакомившись с его произведениями, особенно с теми, что были официально опубликованы на английском языке во время войны самими Советами в «Советских военных новостях», 1941–1945, тома 1–8. Тема «Убивайте немцев» повторялась Эренбургом снова и снова, видимо с одобрения Сталина. 14 апреля 1945 года в беспрецедентной передовице советской военной газеты «Красная звезда» Эренбург получил официальный упрек от шефа пропаганды Александрова: «Товарищ Эренбург преувеличивает... мы боремся не против немецкого народа, а только против гитлеров всего мира». Подобный упрек был бы губительным для любого другого советского писателя, но не для Эренбурга. Он продолжал свою пропаганду «Убивайте немцев», как будто ничего не случилось, и Сталин закрыл на это глаза. В пятом томе своих мемуаров «Люди, годы и жизнь», изданных в Москве в 1963 году, Эренбург предпочел забыть, к чему призывал во время войны. На странице 126 он пишет: «В десятках статей я подчеркивал, что мы не должны и не можем травить народ, что мы, в конце концов, советские люди, а не фашисты». Однако необходимо отметить следующее: что бы ни писал Эренбург, это было не хуже того, что издавал шеф нацистской пропаганды Геббельс, – факт, который многие немцы тоже предпочли забыть.

Беженцы рассказывали, что передовые части Красной армии дисциплинированы и сдержанны, но следующие за ними вспомогательные войска – дезорганизованная толпа. Во время диких пьяных оргий эти красноармейцы убивают, грабят и насилуют. Многие русские командиры, как заявляли беженцы, похоже, закрывают глаза на действия своих людей. Во всяком случае, они не пытаются их останавливать. Все, от крестьян до мелкопоместного дворянства, сообщали одно и то же, и везде в потоке беженцев были женщины, рассказывавшие истории о жестоком насилии, от которых кровь стыла в жилах: под дулом пистолета их заставляли раздеваться догола и многократно насиловали.

Сколько здесь было вымысла, а сколько правды? Этому берлинцы не знали. Зато те, кто знал о зверствах и массовых убийствах, совершенных немецкими войсками СС в России, а таких были тысячи, боялись, что эти истории правдивы. Те, кто знал о том, что происходило с евреями в концентрационных лагерях, – еще один ужасающий аспект национал-социализма, о котором свободному миру только предстояло узнать, – тоже верили беженцам. Эти наиболее информированные берлинцы вполне могли поверить в то, что угнетатель превращается в угнетаемого, что колесо возмездия завершает полный оборот. Многие из тех, кто представлял масштаб преступлений Третьего рейха, не собирались рисковать. Высокопоставленные чиновники и партийные функционеры потихоньку вывезли из Берлина свои семьи или как раз занимались этим.

В городе оставались фанатики и простые берлинцы, менее осведомленные и не представляющие реальной ситуации. Они не могли или не желали покинуть Берлин. «О, Германия, Германия, мой фатерланд, – писала Эрна Зенгер, 65-летняя домохозяйка, мать шестерых детей, в своем дневнике. – Доверие приносит разочарование. Преданно верить значит быть глупым и слепым... но... мы останемся в Берлине. Если все сбегут, как наши соседи, враг получит желаемое. Нет... такого поражения мы не хотим».

Мало кто из берлинцев мог бы утверждать, что не подозревает о сути опасности. Почти все слышали истории беженцев. Одна супружеская пара, Хуго и Эдит Нойман из Крейцберга, была проинформирована по телефону. Их родственники, проживавшие в оккупированной русской зоне, рискуя своими жизнями, незадолго до того, как была прервана всякая связь, предупредили Нойманов о том, что победители безудержно насилуют, убивают и грабят. Однако Нойманы остались в столице. Фабрика Хуго была разбомблена, но бросить ее казалось невыносимым.

Другие пропускали страшные рассказы мимо ушей, потому что больше не верили или почти не верили ни информации, распространяемой беженцами, ни правительственной пропаганде. С того момента, как в 1941 году Гитлер отдал приказ о неспровоцированном вторжении в Россию, на немцев обрушился неослабевающий огонь пропаганды, разжигающей ненависть. Советские люди представлялись нецивилизованными недочеловеками. Когда события приняли иной оборот и русские погнали вспять немецкие войска на всех фронтах, доктор Йозеф Геббельс, хромоногий шеф пропаганды рейха, приумножил свои усилия, особенно в Берлине.

Помощник Геббельса, доктор Вернер Науман, в частной беседе признался, что «наша пропаганда относительно русских и того, что населению следует ожидать от них в Берлине, была так успешна, что мы довели берлинцев до состояния крайнего ужаса». К концу 1944 года Науман почувствовал, что «мы перестарались – наша пропаганда рикошетом ударила по нас самих».

Теперь тон пропаганды изменился. В то время как от империи Гитлера отрывали кусок за куском, а Берлин разрушали квартал за кварталом, Геббельс переключился с запугивания на подбадривание; теперь людям говорили, что победа поджидает за ближайшим поворотом. Реально Геббельсу удалось лишь пробудить в пестром по национальному составу Берлине чувство черного юмора, которое приняло форму грубых насмешек берлинцев над собой, своими

вождями и всем светом. Берлинцы быстро переиначили девиз Геббельса «Фюрер приказывает, мы следуем» в «Фюрер приказывает, мы терпим то, что следует». Что касалось обещаний окончательной победы, непочтительные убеждали всех «наслаждаться войной, потому что мир будет ужасен».

В атмосфере ужаса, на грани паники, нагнетаемой рассказами беженцев, действительность искажалась и слухи побеждали факты и здравый смысл. По городу ползли жуткие истории о кошмарнейших зверствах. Русских описывали узкоглазыми монголами, безжалостно и без раздумий убивающими женщин и детей. Говорили, что священников заживо сжигают огнеметами, монахинь насилуют, а потом голыми гоняют по улицам. Пугали, что женщин превращают в проституток, переезжающих вслед за воинскими частями, а мужчин отправляют на каторгу в Сибирь. Даже по радио как-то передали, что русские прибавляли языки жертв к столам. Менее впечатлительные считали эти истории слишком фантастическими.

Находились и те, кто точно знал, что грядет. Знала правду и пятидесятилетняя врач Анна Мария Дюранд-Вевер, выпускница Чикагского университета и одна из самых известных в Европе врачей-гинекологов, знаменитая также своими антинацистскими взглядами (она была автором многих книг, в которых боролась за права женщин, равенство полов и контроль рождаемости – за все, что было запрещено нацистами). Она убеждала пациенток своей частной клиники бежать из Берлина, поскольку, осмотрев огромное количество женщин-беженок, пришла к выводу, что в отношении изнасилований реальность гораздо страшнее слухов.

Сама доктор Дюранд-Вевер намеревалась остаться в Берлине, но теперь она повсюду носила с собой маленькую капсулу с быстродействующим цианидом. Проработав врачом много лет, она сомневалась, сможет ли покончить жизнь самоубийством, но капсулу в сумочке все же носила. Она верила, что если русские возьмут Берлин, то каждой женщине от восьми до восьмидесяти лет грозит изнасилование.

Доктор Маргот Зауэрбрух была потрясена количеством беженок – в том числе и не подвергшихся сексуальному насилию, которые пытались совершить самоубийство. В ужасе от того, что они слышали или чему были свидетелями, многие вскрывали себе вены. Некоторые даже пытались убить своих детей. Скольким действительно удалось покончить с собой, никто не знал – доктор Зауэрбрух видела только тех, кто пытался. Однако становилось очевидным, что, если русские захватят город, по нему прокатится волна самоубийств.

Большинство врачей соглашались с этим мнением. Хирург Гюнтер Лампрехт из Вильмерсдорфа записал в своем дневнике: «...главная тема – даже среди врачей – техника самоубийства. Разговоры подобного рода становятся невыносимыми».

И это были не просто разговоры. Смертельные планы уже осуществлялись. В каждом районе Берлина врачей осаждали пациенты и друзья, жаждущие получить информацию о наиболее быстром способе самоубийства и выпрашивающие рецепты на яды. Когда врачи отказывались помочь, люди обращались к аптекарям. Тысячи обезумевших от страха берлинцев принимали решение умереть любым способом, но не сдать Красной армии.

«Как только я увижу первую пару русских сапог, я покончу с собой», – поверяла по секрету своей подруге Юлиане Боник двадцатилетняя Криста Мойнир. Криста уже раздобыла яд, как и другая подруга Юлианы Розы Хоффман и ее родители. Хоффманы пребывали в подавленном состоянии и не ждали от русских пощады. В то время Юлиана не знала, что Хоффманы – родственники рейхсфюрера Генриха Гимmlера, шефа гестапо и СС, человека, ответственного за массовые убийства миллионов заключенных в концентрационных лагерях.

Предпочтительным средством самоуничтожения был яд, главным образом цианид. Особым спросом пользовался тип капсул, известный как пилюля «КСВ». Это концентрированное цианистоводородное соединение было таким сильнодействующим, что смерть наступала почти мгновенно – даже пары его могли убить. С чисто немецкой предусмотрительностью некое правительственное учреждение запасло в Берлине огромные количества этого вещества.

Нацистские функционеры, старшие офицеры, руководители правительственных департаментов и чиновники меньшего масштаба могли без труда достать этот яд для себя, своих родственников и знакомых. Врачи, аптекари, стоматологи и сотрудники лабораторий также имели доступ к пилюлям или капсулам. Некоторые даже усиливали их действенность. Рудольф Хюкель, профессор патологии Берлинского университета и самый известный в городе патолог-онколог, добавил в цианидовые капсулы для себя и своей жены уксусную кислоту. Он уверил жену, что уксусная кислота ускорит действие цианида.

Некоторые берлинцы, которым не удалось достать быстродействующий цианид, запасали барбитураты или производные цианида. Комедийный актер Хайнц Рюман, которого часто называли «немецким Дэнни Кеєм», так боялся за свою красавицу жену, актрису Герту Файлер, и маленького сына, что на всякий случай спрятал в цветочном горшке жестяную банку с крысиным ядом. Бывший посол нацистской Германии в Испании, генерал-лейтенант в отставке Вильгельм Фаупель планировал отравить себя и свою жену большой дозой лекарства. У генерала было больное сердце. Во время приступов он принимал возбуждающее средство, содержащее дигиталис. Фаупель знал, что слишком большая доза вызовет остановку сердца и все закончится очень быстро. Он даже сделал запас лекарства для своих друзей.

Некоторым людям самым лучшим и смелым выходом из ситуации казалась последняя пуля. Однако, как ни удивительно, ошеломляющее число женщин, в основном пожилых, выбрало самый кровавый путь – бритву. В семье Кецлер из Шарлоттенбурга Гертруда, сорокадвухлетняя и в обычных обстоятельствах веселая женщина, носила в своей сумочке бритвенное лезвие, так же как ее сестра и свекровь. Подруга Гертруды Инге Рюхлинг также имела бритву, и обе женщины часто обсуждали, какой способ ухода из жизни надежнее – перерезать запястья поперек артерий или вдоль.

Правда, оставался шанс, что столь радикальные меры не понадобятся. Большинство берлинцев все еще лелеяли последнюю надежду. В страхе перед Красной армией подавляющее большинство населения, особенно женщины, теперь отчаянно желали захвата Берлина англо-американскими войсками.

* * *

Время близилось к полуночи. В глубоком тылу русских войск, в городе Бромберге, капитан Сергей Иванович Голбов обвел мутным взглядом большую гостиную роскошной квартиры на третьем этаже, которую он и два других военных корреспондента только что «освободили». Голбов и его друзья были пьяны и веселы. Каждый день они мотались к линии фронта в девяти милях от штаб-квартиры в Бромберге за новостями, но на данный момент все было тихо; до начала штурма Берлина никаких интересных событий не ожидалось. Так что после долгих месяцев сбора материалов на передовой двадцатипятилетний красавец Голбов наслаждался жизнью.

С бутылкой в руке он стоял посреди гостиной, разглядывая богатую обстановку. Ничего подобного он никогда раньше не видел. Огромные картины в массивных золоченых рамах украшали стены. На окнах – атласные шторы. Диваны и кресла обиты дорогой парчой. Полы застелены толстыми турецкими коврами, с потолков гостиной и столовой свисают огромные хрустальные люстры. Голбов не сомневался в том, что владелец квартиры – какой-нибудь важный нацист.

В конце гостиной Голбов заметил приоткрытую дверь и распахнул ее. За дверью оказалась ванная комната. На вбитом в стену крюке, на веревке висело тело нацистского чиновника в полной форме. Голбов мельком взглянул на труп. Он видел тысячи мертвых немцев, но это висящее тело выглядело глупо. Голбов позвал товарищей и не получил ответа. Они развлека-

лись в столовой – бросали хрустальную посуду, немецкую и венецианскую, в люстру и друг в друга.

Голбов вернулся в гостиную, намереваясь отдохнуть на длинном диване, но обнаружил, что диван уже занят. Там лежала мертвая женщина в длинном, похожем на греческую тунику платье с украшенным кисточками поясом. Она была совсем юной и, похоже, тщательно подготовилась к смерти. Волосы, заплетенные в косы, спускались на плечи. Руки были сложены на груди. Нежно обнимая бутылку, Голбов опустился в кресло и уставился на женщину. Из столовой доносились смех и звон бьющегося стекла. Девушке было чуть больше двадцати, и, судя по синеватым пятнам на ее губах, она приняла яд.

За диваном, на котором лежала покойница, стоял столик с фотографиями в серебряных рамках – улыбающиеся дети с молодой парой, видимо их родителями, и пожилая пара. Голбов подумал о своей семье. Во время блокады Ленинграда его мать и отец, умиравшие от голода, пытались сварить суп из чего-то вроде машинного масла, и этот суп убил их обоих. Один его брат погиб в первые дни войны. Другой, тридцатичетырехлетний Михаил, командир партизанского отряда, был схвачен эсэсовцами, привязан к столбу и сожжен заживо. Девушка, лежавшая на диване, умерла вполне безмятежно. Голбов глотнул из бутылки, приблизился к дивану, поднял покойницу на руки и подошел к окнам. За его спиной под взрыв смеха с грохотом обрушилась на пол хрустальная люстра. Голбов сам разбил не меньше стекла, швырнув мертвое тело прямо в закрытое окно.

Глава 4

Берлинцы теперь с жаром говорили о британцах и американцах не как о завоевателях, а как об «освободителях». Экстраординарное изменение отношения к западным союзникам и соответствующие настроения приводили к любопытным результатам.

Мария Кеклер из Шарлоттенбурга упрямо не верила в то, что американцы и британцы позволят русским захватить Берлин. Она даже преисполнилась решимости помочь западным союзникам. Сорокапятилетняя седовласая домохозяйка сказала друзьям, что «готова сражаться и удерживать красных до подхода «друзей».

Многие берлинцы справлялись со своими страхами, слушая радиопередачи Би-би-си и отмечая каждую фазу сражений, бушевавших на крошечном Западном фронте, так, будто они следили за маршем победоносной немецкой армии, устремившейся спасти Берлин.

Бухгалтер Маргарета Шварц ночь за ночью между авианалетами вместе со своими соседями детально планировала англо-американский бросок через Западную Германию. Каждая завоеванная миля казалась ей чуть ли не еще одним шагом к освобождению. Похожие чувства испытывала и Лизе-Лотта Равене. В своей заставленной книжными шкафами квартире в Темпельхофе она тщательно отмечала карандашом на большой карте каждый успех американцев и страстно желала им скорейшего продвижения. Фрау Равене не хотелось думать о том, что может случиться, если первыми в Берлин войдут русские. Она была полуинвалидом – стальные скобы охватывали ее бедра и правую ногу.

Тысячи людей были уверены в том, что первыми в Берлин войдут американцы. Их вера была по-детски наивной, смутной и непрочной.

Фрау Аннемария Хюкель, жена профессора патологии, начала рвать старые нацистские флаги на бинты для великого сражения, которое она ожидала в день прихода американцев. Двадцатилетняя Бригитта Вебер, всего три месяца назад вышедшая замуж, тоже не сомневалась в скором приходе американцев и думала, что точно знает, где они захотят разместиться. Как слышала Бригитта, американцы любят комфорт и красивые вещи. Разумеется, они тщательно выбрали фешенебельный жилой район Николасзе. Сюда не упала ни одна бомба.

Многие, надеясь на лучшее, готовились к худшему. Здравомыслящая Пия ван Хэвен и ее друзья Руби и Эберхард Боргман неохотно пришли к заключению, что только чудо не позволит русским первыми войти в Берлин. Поэтому они ухватились за приглашение их доброго друга, веселого толстяка Генриха Шелле присоединиться к нему и его семье, когда начнется сражение за город. Шелле был хозяином одного из самых известных винных магазинов и ресторанов Берлина, расположенного на первом этаже дома, где жили Боргманы. Шелле превратил один из своих подвалов в отличное убежище с восточными коврами, портъерами и провизией, чтобы пережить осаду. Продуктов было немного, в основном картофель и консервированный тунец, зато в соседнем подвале хранились обильные запасы самых редких и изысканных вин, немецких и французских, коньяка «Хеннесси» и шампанского. «Раз уж придется ждать один бог знает чего, с тем же успехом можно ждать в комфорте, – сказал друзьям Шелле, а потом добавил: – Если закончится вода, у нас останется шампанское».

Бидди Юнгмиттаг, 41-летняя мать двух юных дочерей, думала, что все разговоры о приходе американцев и британцев «просто вздор». Она была англичанкой, вышедшей замуж за немца, и очень хорошо знала нацистов. Ее мужа, заподозренного в принадлежности к немецкой группе Сопротивления, казнили пять месяцев назад. Бидди считала, что нацисты будут так же ожесточенно сражаться против западных союзников, как и против русских, и ей хватало одного взгляда на карту, чтобы понять: вряд ли англо-американские войска войдут в Берлин первыми. Однако неминуемое наступление Красной армии не слишком тревожило Бидди. Ее

они тронуть не посмеют. Разумная англичанка Бидди собиралась показать первым же встреченным русским свой старый британский паспорт.

Были среди берлинцев и те, кто полагал, что для защиты им не нужны никакие документы. Они с нетерпением ждали момента, когда смогут приветствовать русских в Берлине. Этот момент стал бы воплощением в жизнь мечты, ради которой эти немногочисленные группы немцев строили планы и работали большую часть своей жизни. Преследуемые и разыскиваемые гестапо и уголовной полицией, лишь немногие закаленные испытаниями ячейки сумели уцелеть. Немецкие коммунисты и их сторонники нетерпеливо ждали спасителей с востока.

Коммунисты Берлина были преданы делу свержения гитлеризма, однако они были так разбросаны, что не могли принести ощутимую пользу, во всяком случае западным союзникам. Коммунистическое подполье действительно существовало, но получало приказы только из Москвы и работало исключительно как советская шпионская сеть.

Хильдегард Радуш, с 1927-го по 1932 год депутат Берлинского законодательного собрания от коммунистической партии, сейчас жила почти верой единой. Полуголодная, замерзшая, она с несколькими другими коммунистами скрывалась в убежище близ деревни Прирос на юго-восточной окраине Берлина. Вместе с подругой Эльзе (Эдди) Клопч она жила в большом деревянном ящике из-под оборудования десять на восемь футов на цементном основании. Там не было ни газа, ни электричества, ни воды, ни туалета, но для сорокадвухлетней Хильдегард (которая называла себя «мужчиной в доме») это было идеальное убежище.

Хильдегард и Эдди жили вместе с 1939 года, а в Приросе скрывались почти десять месяцев. Хильдегард фигурировала в списке разыскиваемых нацистами преступников, но ей все время удавалось перехитрить гестаповцев. Самой главной проблемой Хильдегард, как и других коммунистов, была еда. Подача заявления на продовольственные карточки означала немедленное разоблачение и арест. К счастью, Эдди, хотя и сочувствовала коммунистам, в розыске не числилась и каждую неделю получала паек. Однако этого скудного пайка едва хватало для одного человека. (Официальная газета нацистов «Вёлькишер беобахтер» напечатала недельную норму выдачи продуктов для взрослого: четыре с четвертью фунта хлеба, два фунта мяса и колбас, пять унций жиров, пять унций сахара. Кроме этого каждые три недели выдавались две с четвертью унции сыра и три с половиной унции эрзац-кофе.) Иногда обеим женщинам удавалось пополнить свой рацион за счет осмотрительных покупок на черном рынке, но цены там были чрезмерными: кофе, например, стоил от ста до двухсот долларов за фунт.

Хильдегард постоянно терзалась двумя мыслями: о еде и освобождении Красной армией. Но ожидание давалось нелегко, и даже простое выживание с каждым месяцем становилось все труднее, как она методично отмечала в своем дневнике.

13 февраля Хильдегард написала: «Русские давно должны быть здесь... собаки до меня еще не добрались».

18 февраля: «С 7 числа никаких известий от Жукова о Берлинском фронте, а мы отчаянно ждем их прихода. Скорее, товарищи, чем быстрее вы придете сюда, тем быстрее закончится война».

24 февраля: «Была сегодня в Берлине. Кофе из термоса, ломтик сухого хлеба. Трое мужчин подозрительно смотрели на меня. Такое утешение, что Эдди рядом со мной. Все равно есть нечего. Эдди ходила достать сигарет по продовольственной карточке, которую она купила на черном рынке, – по ней дают десять сигарет. Сигарет в магазине не было, так что она взяла пять сигар. Она надеялась обменять шелковое платье и две пары чулок на что-нибудь съедобное. Ничего не вышло. Нет даже хлеба с черного рынка».

25 февраля: «Три сигары выкурены. Все еще никаких официальных сообщений от Жукова. И от Конева тоже».

27 февраля: «Я вся извелась от ожидания. Для человека, которому не терпится взяться за работу, торчать в этой клетке – катастрофа».

19 марта: «В полдень мы пировали – картошка с солью. Вечером поджарили картофельные оладьи на рыбьем жире. Вкусно».

И в первый весенний день Хильдегард все еще ждала и записывала в своем дневнике: «схожу с ума от голода». О русском фронте все так же ничего не было известно. Единственные новости, о которых она смогла написать, это то, что «ветры уносят зиму, светит солнце и воздух прогрелся. Обычные авианалеты... судя по звуку разрывов, самолеты приближаются к нам». И позже она отмечает, что западные союзники стоят на Рейне и, по ее мнению, «могут быть в Берлине через двадцать дней». Хильдегард с горечью замечает, что берлинцы предпочитают освободителей из капиталистических стран, и надеется, что русские поторопятся и к Пасхе Жуков начнет наступление.

Примерно в двадцати пяти милях к северу от Прироса в Нойенхагене на восточной окраине Берлина еще одна коммунистическая ячейка томилась в ожидании. Ее члены тоже жили в постоянном страхе перед арестом и смертью, но они были более активны и лучше организованы, чем их товарищи в Приросе, и более удачливы: они находились всего в тридцати пяти милях от Одера и ожидали, что их район будет одним из первых захвачен русской армией.

Члены этой группы работали каждую ночь под самым носом гестапо, готовясь к освобождению. Они знали имена и местонахождение всех местных нацистов, эсэсовцев и гестаповцев. Они знали, кто станет сотрудничать, а кто – нет. Некоторых намечали для немедленного ареста, других – для ликвидации. Эта группа была так хорошо организована, что даже составила детальные планы будущего управления районом.

Все члены этой ячейки с нетерпением ждали прихода русских и были уверены, что их рекомендации будут приняты. Однако никто не ждал так нетерпеливо, как Бруно Царцики. Он так мучился язвой желудка, что почти не мог есть, но все говорил, что в тот день, когда придет Красная армия, его язва зарубцуется; он был в этом уверен.

Невероятно, но по всему Берлину в крохотных комнатенках и чуланах, в сырых подвалах и душных чердаках некоторые из самых ненавидимых и преследуемых жертв нацизма цеплялись за жизнь и ждали того дня, когда смогут выйти на свет Божий. Им не важно было, кто придет первым, лишь бы кто-нибудь пришел, и поскорее. Некоторые жили по двое и по трое, некоторые – семьями, некоторые – даже маленькими колониями. Большинство друзей считало их мертвыми, и в каком-то смысле они были мертвецами. Некоторые годами не видели солнца, не ходили по берлинским улицам. Они не могли позволить себе заболеть, ибо вызов врача означал неминуемые вопросы и возможное разоблачение. Даже в самые страшные бомбардировки они оставались в своих закутках, так как в бомбоубежище их немедленно бы выследили. Они сохраняли ледяное спокойствие, поскольку давным-давно научились не ударяться в панику. Они были живы только потому, что умели теперь подавлять почти все чувства. Они были находчивы и упорны – и после шести лет войны и почти тринадцати лет страха в самой столице гитлеровского рейха их выжило почти три тысячи. Им удалось уцелеть благодаря мужеству большей части берлинских христиан, ни один из которых не получил адекватной благодарности за то, что защищал самых презираемых козлов отпущения нового порядка – евреев².

² Приблизительное число выживших евреев взято из данных берлинского сената, подготовленных доктором Вольфгангом Шеффлером из Берлинского свободного университета. Эта цифра оспаривается некоторыми еврейскими экспертами, в частности, Зигмундом Велтлингером, который был председателем комиссии по делам евреев в послевоенном правительстве. Он считает, что выжило всего 1400 евреев. Доктор Шеффлер утверждает, что по меньшей мере еще 5100 евреев, состоявших в браке с христианами, жили в городе на так называемых «законных основаниях». Но в лучшем случае это была кошмарная неопределенность, ибо эти евреи все время ожидали ареста. В настоящее время в Берлине живет 6000 евреев – ничтожная цифра по сравнению со 160 564 евреями, проживавшими в Берлине в 1933 году, в том году, когда Гитлер пришел к власти. Никто не знает точно, сколько берлинцев-евреев покинули город, эмигрировали из Германии или были депортированы и уни-

Зигмунду и Маргарет Велтлингер было под шестьдесят. Они прятались в крохотной квартире на первом этаже в Панкове. Рискуя собственными жизнями, их впустила семья Меринг, последователи учения «Христианская наука» («Христианская наука» – религиозная организация и этическое учение. – *Пер.*). Чета Меринг, две их дочери и Велтлингеры жили в двухкомнатной квартире. Естественно, там было очень тесно. Однако Меринги делились с Велтлингерами своими пайками и всем остальным и никогда не жаловались. Только один раз за многие месяцы Велтлингеры отважились выйти на улицу: им пришлось рискнуть, поскольку у Маргарет разболелся зуб. К счастью, стоматолог, удаливший зуб, поверил объяснению Маргарет, будто она «приехавшая в гости кузина».

Им везло до 1943 года. Хотя Зигмунда прогнали с фондовой биржи в 1938 году, вскоре его пригласили выполнять особые задания для Бюро еврейской общины в Берлине. В те дни бюро, которым руководил Генрих Шталь, регистрировало состояния и собственность евреев; позже оно пыталось вести переговоры с нацистами об облегчении страданий евреев в концентрационных лагерях. И Шталь и Велтлингер понимали, что закрытие бюро – всего лишь вопрос времени, но храбро продолжали работать. Гестапо закрыло бюро 28 февраля 1943 года. Шталь исчез в концентрационном лагере Терезиенштадт, а Велтлингерам было приказано переселиться в «еврейский дом» на шестьдесят семей в Рейникендорфе. До темноты Велтлингеры оставались в том доме, а затем, споров с пальто звезды Давида, ускользнули в ночь. С тех пор они жили с Мерингами.

В течение двух лет они могли видеть только клочок неба, стиснутый соседними домами, и единственное дерево, которое росло в темном дворике за кухонным окном. В их заточении это дерево служило им календарем. Маргарет была в отчаянии. «Дважды мы видели, как наш каштан покрывается снегом, – говорила она мужу. – Дважды его листья чернели, а теперь он снова в цвету. Неужели еще год нам придется провести, прячась? Может быть, Бог покинул нас?»

Зигмунд утешал ее, говорил, что им есть ради чего жить: их двое детей – семнадцатилетняя дочь и пятнадцатилетний сын – в Англии. Велтлингеры не видели детей с 1938 года, когда Зигмунд устроил их выезд из Германии. Открывая Ветхий Завет, он обращался к девяносто первому псалму и медленно читал: «Тысяча падет около тебя и десять тысяч у твоей правой руки, но никто не приблизится к тебе». Им оставалось лишь ждать. «Бог с нами, – говорил Зигмунд жене. – Поверь мне, день освобождения близок».

За предыдущий год более четырех тысяч евреев были арестованы гестаповцами на улицах Берлина. Многие из тех евреев рискнули жизнью, потому что больше не могли выдержать заточения в замкнутом пространстве.

Двадцатилетний Ганс Розенталь все еще прятался в Лихтенберге и был полон решимости держаться до конца. Двадцать шесть месяцев он провел в помещении в шесть футов длиной и пять футов шириной. На самом деле это было что-то вроде сарайчика для инструментов, пристроенного к дому, которым владел старый друг матери Ганса. Положение Ганса все еще оставалось опасным. Его родители умерли, и в шестнадцать лет он попал в трудовой лагерь. В марте 1943 года Ганс бежал из лагеря, без документов на поезде добрался до Берлина и нашел приют у друга своей матери. В его крохотном убежище не было ни воды, ни света, а вместо уборной у него был лишь старый ночной горшок. Ганс выливал его по ночам во время авианалетов – только в это время он отваживался покинуть свое убежище. В сарайчике стояла лишь узкая кровать, однако у Ганса была Библия, маленький радиоприемник, а на стене – тщательно размеченная карта. Как ни ждал он западных союзников, ему казалось, что Берлин возьмут русские. Хотя это означало для него освобождение, он тревожился, но успокаивал себя, повторяя снова и снова: «Я еврей. Я пережил нацистов, переживу и Сталина».

В том же районе, в одном из подвалов Карлсхорста, Йоахим Лифшиц жил под защитой Отто Крюгера. Вообще – то в подвале Крюгера было тихо, но иногда Йоахиму казалось, что он слышит отдаленный рокот русских орудий. Этот звук был тихим и приглушенным, как шорох гальки на морском берегу. Йоахим относил это на счет своего воображения – русские были еще слишком далеко. И все же он был знаком с русской канонадой. Сын еврейского врача и немецкой аристократки, он был призван в армию вермахта и в 1941 году потерял на Восточном фронте руку. Однако служба Германии не спасла Йоахима – его преступление состояло в том, что он наполовину был евреем. В апреле 1944 года его внесли в списки подлежащих заключению в концентрационном лагере. С того момента он скрывался.

Двадцатисемилетний Йоахим размышлял о том, что может случиться с приближением кульминации. Каждый вечер старшая дочь Крюгеров Элеонора спускалась в подвал, чтобы обсудить виды на будущее. Йоахим и Элеонора любили друг друга с 1942 года. Элеонора не делала секрета из их отношений, и ей запретили посещать университет из-за связи с «неподходящей» персоной. Теперь они с нетерпением ждали того дня, когда смогут пожениться. Элеонора не сомневалась, что нацисты – военные банкроты, и крах их близок. Йоахим думал иначе: немцы будут сражаться до конца, и Берлин наверняка превратится в поле битвы, может быть, в новый Верден. Молодые люди также не сходились во мнении о том, кто возьмет город. Йоахим считал, что русские, а Элеонора – что британцы и американцы. Йоахим полагал, что надо быть готовыми к любому повороту событий, поэтому Элеонора учила английский, а Йоахим овладевал русским.

Никто так страстно не ждал падения Берлина, как Лео Штернфельд, его жена Агнес и их двадцатитрехлетняя дочь Аннемария. Штернфельды не прятались, так как семья их была протестантской. Однако мать Лео была еврейкой, так что нацисты классифицировали его как полуеврея. В результате Лео и его семья всю войну мучались неопределенностью. Гестапо играло с ними, как кошка с мышкой. Им было дозволено жить там, где они хотели, но над ними все время висела угроза ареста.

С приближением фронта к Берлину опасность усиливалась, и Лео с трудом поддерживал моральный дух своих женщин. Накануне ночью бомба разрушила почтовое отделение по соседству, однако Лео нашел в себе силы пошутить. «Тебе больше не придется далеко ходить за почтой, – сказал он жене. – Почтовое отделение лежит на твоём пороге».

Гестапо определило бывшего бизнесмена Лео Штернфельда в мусорщики. Покидая в это мартовское утро свой дом в Темпельхофе, Лео понял, что слишком долго откладывал осуществление своих планов. Теперь уже невозможно было бежать из Берлина, и не осталось времени на то, чтобы найти убежище. Если Берлин не возьмут в следующие несколько недель, они обречены. Лео по секрету сообщили, что на 19 мая гестапо наметило облаву на всех, в ком есть хоть капля еврейской крови.

* * *

Далеко на западе в штабе 2-й британской армии в Вальбеке рядом с датской границей старший офицер медицинской службы, бригадир Хуг Глин Хьюз пытался спрогнозировать санитарные проблемы, с которыми, вероятно, придется столкнуться в ближайшие недели, особенно когда армия дойдет до Берлина. Втайне он боялся вспышки тифа. Как доложили помощники Хьюза, пересекающие линию фронта беженцы являются носителями различных заразных болезней. Как и все другие фронтовые врачи, бригадир Хьюз пристально следил за развитием событий; любая серьезная эпидемия могла обернуться катастрофой. Подергивая усы, Хьюз размышлял, как справляться с беженцами, когда тонкий ручеек превратится в бурный поток. Несомненно, будут еще и тысячи военнопленных. И один бог знает, что еще обнаружится, пока армия дойдет до Берлина.

Бригадир также тревожила еще одна проблема: концентрационные и трудовые лагеря. Информация о них просочилась через нейтральные страны, но никто не знал, как эти лагеря управляются, сколько там человек и в каких условиях они содержатся. Создавалось впечатление, что 2-я британская армия будет первой армией, которая захватит концентрационный лагерь. На столе бригадира лежал доклад о том, что один из лагерей расположен как раз на пути продвижения армии к северу от Ганновера, и больше никакой информации не было. Бригадир Хьюз надеялся, что немцы проявили свойственную им скрупулезность в медицинских вопросах, и санитарное состояние лагеря контролируется. Он никогда прежде не слышал об этом месте. Оно называлось Бельзен.

Глава 5

Капитан Хельмут Кордс, двадцатипятилетний ветеран русского фронта, был награжден Железным крестом за мужество. Сейчас он был одним из берлинских заключенных и сомневался в том, что ему доведется увидеть конец войны. Капитан Кордс входил в элитную группу – крохотную кучку уцелевших из семи тысяч немцев, арестованных в связи с покушением на Гитлера восемь месяцев назад, 20 июля 1944 года.

Гитлер превратил свою месть в варварскую оргию; были казнены почти пять тысяч предполагаемых участников, как виновных, так и невиновных. Уничтожались целые семьи. Почти все, хотя бы отдаленно связанные с заговорщиками, были арестованы и казнены без долгого разбирательства. Их предавали смерти способом, определенным самим Гитлером. «Они все должны быть повешены, как скот», – приказал фюрер. Главные преступники были повешены именно так – за ребро на мясницких крюках для подвески забитого скота. Вместо веревок в большинстве случаев использовались фортепианные струны.

Сейчас в крыле «Б» Лехртерштрасской тюрьмы, огромного здания в форме звезды, томилась в ожидании последняя группа «заговорщиков». Среди них были и консерваторы, и коммунисты; офицеры, врачи, священники, университетские профессора, писатели, видные политики прошлого, простые рабочие и крестьяне. Некоторые понятия не имели, за что их арестовали, – официальные обвинения им не были предъявлены. Некоторых пытали, и теперь они ожидали повторного слушания дела. Невиновность некоторых была доказана, но они все еще сидели в тюрьме. Некоторые предстали перед особыми судами, поспешно вынесенными приговорами, и теперь ожидали казни. Никто точно не знал, сколько заключенных содержится в крыле «Б». Одни думали, что две сотни, другие – что меньше сотни. Подсчитать было невозможно. Каждый день заключенных уводили, и никто их больше не видел. Все зависело от каприза одного человека: шефа гестапо группенфюрера СС Генриха Мюллера. Заключенные не ждали от него милосердия. Они были уверены, что, даже когда союзники будут стоять у ворот тюрьмы, Мюллер не прекратит кровавую бойню.

Кордс в июле 1944 года был направлен в штаб резервной армии на Бендлерштрассе в качестве младшего офицера штаба. Начальником штаба резервной армии был полковник граф Клаус фон Штауффенберг. Как выяснилось, в этом назначении был всего лишь один просчет: тридцатилетний, с необычной внешностью (он был тяжело ранен, потерял руку и левый глаз, а потому носил черную повязку), фон Штауффенберг являлся ключевой фигурой заговора 20 июля, человеком, добровольно вызвавшимся убить Гитлера.

В ставке фюрера в Растенбурге в Восточной Пруссии во время одного из продолжительных военных совещаний фон Штауффенберг оставил портфель с бомбой замедленного действия под длинным столом с картой у того места, где стоял Гитлер. Бомба взорвалась через несколько минут после того, как фон Штауффенберг выскользнул из помещения и отправился в Берлин. Гитлер чудом остался жив. Несколько часов спустя фон Штауффенберг – вместе с тремя другими главными участниками заговора – без суда и следствия был расстрелян в Берлине во дворе дома на Бендлерштрассе, где находился его штаб. Были арестованы все, даже косвенно связанные с фон Штауффенбергом, в том числе и Хельмут Кордс.

Невеста Кордса Ютта Зорге, внучка бывшего немецкого канцлера и министра иностранных дел Густава Штретземана, также была арестована и заключена в тюрьму. Как и ее мать, и отец. С тех пор все они, включая Хельмута Кордса, содержались в тюрьме без суда.

Капрал Герберт Косни, томившийся в том же самом здании, знал о заговоре 20 июля даже меньше Кордса. Однако Косни оказался невольным соучастником. Он состоял в коммунистической группе Сопротивления, и его участие в покушении состояло в переброске неизвестного мужчины из Лихтерфельде в Ванзе.

Хотя Герберт не был коммунистом, начиная с 1940 года он был близок к различным красным подпольным группам. В ноябре 1942 года, когда Герберт приехал в Берлин в отпуск, его старший брат Курт, член коммунистической партии с 1931 года, яростно отговаривал его от возвращения на фронт. Курт пошел еще дальше: прикладом винтовки сломал брату руку, отвел его в военный госпиталь, где объяснил, что нашел раненого солдата в канаве.

Хитрость удалась. Герберт больше не вернулся на фронт. Его откомандировали в резервный батальон в Берлине, и каждые три месяца он получал от доктора Альберта Ольберца новое медицинское свидетельство, с помощью которого оставался на «легких работах». Так уж случилось, что доктор Ольберц тоже был членом коммунистической группы Сопротивления.

Именно из-за Ольберца Герберт и попал в тюрьму. Через несколько дней после покушения на Гитлера Ольберц попросил Герберта провести срочную транспортировку. Взяв военную машину «Скорой помощи», они подобрали неизвестного Герберту человека – старшего офицера гестапо, начальника криминальной полиции, генерала Артура Небе, уже вызванного на допрос. Вскоре Небе, Ольберца и Герберта схватили. Ольберц совершил самоубийство, Небе был казнен, Герберта пытали, а затем гражданский суд вынес ему смертный приговор. Однако из-за того, что Герберт все еще оставался военнослужащим, необходим был повторный суд, теперь уже военный. Герберт понимал, что это чистая формальность, а формальности мало волновали шефа гестапо Мюллера. Глядя в зарешеченное окошко своей камеры, Герберт Косни размышлял, сколько ему осталось до казни.

Неподалеку еще один человек думал о том, что готовит ему будущее, – брат Герберта Курт Косни. Его непрерывно допрашивали в гестапо, но пока он ничего не рассказал о своей коммунистической деятельности. И конечно, он не сказал ничего, что могло бы повредить его младшему брату. Курт тревожился о Герберте. Что с ним случилось? Куда его увезли? Только несколько камер разделяло братьев, но ни Курт, ни Герберт не знали, что заключены в одну и ту же тюрьму.

Еще одна группа узников находилась в Берлине, хотя и не за тюремными стенами. Оторванные от своих семей, насильно угнанные с родины, все они, как и многие другие, желали одного – скорейшего освобождения, а кто их освободит, не имело для них никакого значения. Это были мужчины и женщины, вывезенные как рабы, почти из всех стран, оккупированных нацистами. Среди них были поляки, чехи, норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы, люксембуржцы, французы, югославы и русские.

Для работы в немецких хозяйствах и на немецких предприятиях нацисты в общей сложности насильно вывезли почти семь миллионов человек – эквивалент населения Нью-Йорка. Некоторые страны были практически обескровлены: из маленькой Голландии с населением 10 956 000 человек было вывезено 500 000, а из крохотного Люксембурга с населением 296 000 человек – 6000. В одном только Берлине работало более 100 000 иностранных рабочих, в основном французов и русских.

Не было ни одной отрасли, ни одного вида трудовой деятельности, в которой не были бы заняты иностранные рабочие. Многие высокопоставленные нацисты получали русских девушек в качестве домашней прислуги. Военные архитекторы укомплектовывали свои штаты молодыми иностранными чертежниками. В тяжелой промышленности трудились электрики, сталевары, механики и неквалифицированные рабочие. Газовые, водопроводные, транспортные компании и муниципальные предприятия «нанимали» тысячи работников, чей труд не надо было оплачивать. Даже армейскому штабу на Бендлерштрассе были выделены иностранные рабочие. Француз Раймон Легатьер имел там постоянную работу: по мере того как от разрывов бомб в окнах лопались стекла, он заменял их.

Недостаток рабочей силы в Берлине достиг такого критического уровня, что нацисты, открыто пренебрегая Женевской конвенцией, использовали иностранных рабочих и военно-

пленных на военных заводах. Поскольку Россия Женевскую конвенцию не подписала, пленных красноармейцев использовали в любых целях. С каждым днем ситуация ухудшалась, и пленных стали привлекать к строительству бомбоубежищ, восстановлению разбомбленных военных объектов и даже к ручной загрузке углем промышленных электростанций. Различия между иностранными рабочими и военнопленными стали ничтожными, только иностранные рабочие пользовались большей свободой, но даже это зависело от района и типа работы. Иностранные рабочие жили в «городках» из деревянных бараков, расположенных рядом с фабриками или на их территории; они питались в общей столовой и носили опознавательные знаки. Некоторые концерны закрывали глаза на инструкции и разрешали своим иностранным рабочим жить не на предписанной территории, а в Берлине. Многие могли свободно передвигаться по городу, ходить в кино или другие увеселительные заведения, при условии строгого соблюдения комендантского часа³.

Некоторые охранники ослабляли бдительность. Многие иностранные рабочие, иногда даже военнопленные, обнаружили, что могут время от времени уклоняться от работы. Один охранник, сопровождавший двадцать пять французов, которые каждый день ездили на работу в город на метро, теперь даже не утруждал себя пересчетом подопечных, сходявших с поезда. Ему было наплевать, сколько их «потерялось» во время переезда, лишь бы к шести вечера все они собрались на станции «Потсдамер-Плац», чтобы вернуться в лагерь.

Не всем иностранным рабочим так везло. Тысячи практически не имели никакой свободы. Главным образом, это касалось рабочих муниципальных и государственных заводов. Французы, работавшие в газовой муниципальной компании в Мариенфельде в Южном Берлине, имели гораздо меньше прав и хуже питались, чем работники частных компаний. И все же они жили гораздо лучше русских. Француз Андре Бордо записал в своем дневнике, что начальник охраны Феслер «никогда никого не посылает в концентрационный лагерь», а по воскресеньям в дополнение к пайку «позволяет нам уходить в поле, чтобы найти пару картофеля». Бордо радовался, что родился не на востоке. Как он отмечал в дневнике, «русский блок ужасно перенаселен, там вместе живут мужчины, женщины и дети... а то, чем они питаются, по большей части несъедобно». Правда, на некоторых частных предприятиях с русскими рабочими обращались так же хорошо, как с западными.

Западные рабочие по всему Берлину с любопытством замечали, как с каждым днем меняются русские. На химическом заводе Шеринга в Шарлоттенбурге русские, которые, казалось бы, должны ликовать, становились все более подавленными. Особенно возможность захвата города соотечественниками тревожила украинских и белорусских женщин.

Два-три года назад эти женщины приехали в Германию в простенькой крестьянской одежде. Постепенно их одежда и манеры становились все более изысканными. Многие впервые начали пользоваться косметикой. Заметно изменились прически. Русские девушки подражали окружающим их француженкам и немкам. Все отметили, что почти в один день русские девушки вновь надели свои крестьянские платья. Многим казалось, что русские предчувствуют репрессивные меры со стороны Красной армии, хотя и были вывезены из России против своей воли. Эти женщины явно ожидали наказания за то, что стали выглядеть по-западному.

Моральное состояние западных рабочих было высоким по всему Берлину. На заводе Алкетта в Рухлебене 2500 французов, бельгийцев, поляков и голландцев производили танки, и все они, за исключением немецких охранников, строили планы на будущее. Особенно ликовали французские рабочие. Вечерами они собирались за ужином и говорили, говорили о той

³ Была еще одна категория – добровольные иностранные рабочие. Тысячи европейцев – некоторые из которых были ревностными поклонниками нацизма, другие верили, что помогают бороться с большевизмом, но в подавляющем большинстве циничные авантюристы – откликались на объявления в немецких газетах, где предлагалась высокооплачиваемая работа в рейхе. Эти могли жить вполне свободно рядом с местами своей работы.

минуте, когда ступят на землю Франции, пели песни. Самыми любимыми были «Ma Pomme» и «Prosperere» Мориса Шевалье.

Жан Бутэн, двадцатилетний механик из Парижа, был особенно весел; он знал, что сыграл кое-какую роль в падении Германии. Бутэн и несколько голландских рабочих уже несколько лет занимались саботажем: портили детали танков. Немецкий бригадир неоднократно угрожал отправить саботажников в концентрационные лагеря, но так и не выполнил свою угрозу, на что имелась веская причина: на заводе остро не хватало рабочих рук, и он всецело зависел от иностранных рабочих. Жан считал сложившуюся ситуацию чертовски забавной. На обработку каждого шарикоподшипника отводилось пятьдесят четыре минуты. Жан почти всегда сдавал законченную деталь не раньше чем через двадцать четыре часа и с дефектами. У подневольных рабочих Алкетта было одно нехитрое правило: каждая бракованная деталь, которую удастся поставить тайком от бригадира, приближает победу над Германией и падение Берлина. До сих пор ни один из них не попался.

Глава 6

Несмотря на постоянные бомбежки, несмотря на «призрак» Красной армии на Одере, несмотря на все более съеживавшуюся территорию Германии, на которую с запада и востока надвигались союзники, неизбежно находились и такие, кто упрямо не желал даже думать о возможности катастрофы. Это были фанатичные нацисты. Большинство из них, казалось, воспринимали трудности и лишения как своего рода чистилище, как проверку и закалку их преданности нацизму и его целям. Они были убеждены в том, что, если продемонстрируют свою лояльность, все устроится: не только Берлин никогда не падет, но и победа Третьего рейха станет реальностью.

Нацисты занимали особое место в жизни города. Берлинцы так полностью и не приняли Гитлера и его фанатизм. Их мировоззрение всегда было и более сложным, и более интернациональным. Фактически, едкий юмор берлинцев, их политический цинизм и почти абсолютное отсутствие энтузиазма по отношению к фюреру и его «новому порядку» давно досаждали нацистской партии. Когда в Берлине проводились факельные шествия или другие нацистские демонстрации, призванные потрясти мир, из Мюнхена приходилось привозить тысячи штурмовиков для подкрепления толп марширующих. «В кинохронике они смотрятся лучше нас, – острили берлинцы, – и ноги у них гораздо больше!»

Как ни старался Гитлер, он так и не смог завоевать сердца берлинцев. Задолго до того, как город был разрушен бомбами союзников, разочарованный и разгневанный Гитлер планировал перестроить Берлин в соответствии с нацистскими вкусами. Он даже собирался дать ему новое имя – Германия, ибо никогда не забывал, что на всех свободных выборах тридцатых годов берлинцы его отвергали. В решающем 1932 году, когда Гитлер не сомневался, что победит Гинденбурга, Берлин подал за него меньше всего голосов – только 23 процента. Теперь фанатики решили превратить Берлин, наименее нацистский город Германии, в последнюю FESTUNG (крепость) нацизма. Хотя нацисты составляли меньшинство, власть все еще была в их руках.

Тысячам берлинских фанатиков не исполнилось и двадцати лет. Как большая часть этого поколения, они знали только одного бога – Гитлера. С раннего детства их пичкали идеологией национал-социализма. Многих также учили защищать правое дело с помощью самого разного оружия: от винтовок до противотанковых одноразовых реактивных гранатометов – фаустпатронов. Пятнадцатилетний Клаус Кюстер был типичным представителем этой подростковой группы. Член гитлерюгенда (в Берлине таких была не одна тысяча), он ловко подбивал танки с расстояния менее шестидесяти ярдов.

Самыми преданными были члены СС. Они были убеждены в окончательной победе и так преданы Гитлеру, что это было выше понимания остальных немцев, а их фанатизм был настолько силен, что, казалось, проникал в подсознание. Доктор Фердинанд Зауэрбрух в больнице «Шарите» давал наркоз тяжело раненному на Одере эсэсовцу. И вдруг в абсолютной тишине операционной раздался тихий и отчетливый голос: на столе под наркозом эсэсовец снова и снова повторял: «Хайль Гитлер!.. Хайль Гитлер!.. Хайль Гитлер!»

Кроме этих военных экстремистов, были сотни тысяч гражданских лиц, почти столь же сильно зараженных национал-социализмом. Некоторые были ходячими карикатурами, точно такими, какими свободный мир представлял фанатичного наци. Одним из них был сорокасемилетний Карл Готтхард. Хотя Готтхард был всего лишь мелким чиновником, временно работавшим бухгалтером в люфтваффе, он носил щегольскую синюю форму с гордостью и надменностью первоклассного летчика-истребителя.

Войдя в свою квартиру поздним вечером, он резко щелкнул каблуками, выбросил вверх правую руку и крикнул: «Хайль Гитлер!» Этот спектакль Готтхард повторял уже много лет, и его фанатизм ужасно наскучил Герде, его жене, но сегодня она была встревожена. Ей не тер-

пелось поговорить с мужем и выработать какой-нибудь план выживания. Герда только успела сказать, что русские подошли очень близко к Берлину, как Готтхард гневно перебил ее: «Слухи! Слухи! Нарочно распускаемые врагом слухи». В искаженном нацистской идеологией мире Готтхарда все шло по плану. Победа Гитлера не подвергалась сомнению. Русские *не* стояли у ворот Берлина.

Еще были восторженные и впечатлительные. Эти даже не рассматривали вероятность поражения. К таким относилась Эрна Шульце, сорокаоднолетняя секретарша штаба Главного командования военно-морского флота. Она только что осуществила мечту всей своей жизни: ее назначили секретарем адмирала, и это был ее первый день на новой работе.

В предыдущие сорок восемь часов Шелль-Хаус, где размещался штаб, серьезно пострадал от бомбежек. Однако это не беспокоило Эрну, не смутил ее и приказ, только что поступивший на ее рабочий стол. В приказе говорилось, что все *совершенно секретные* документы должны быть сожжены. А в конце первого же дня новой работы Эрну ждало печальное известие: она и все другие служащие отправляются в «бессрочный отпуск», а чеки на зарплату им вышлют позже.

И все же Эрна не унывала. Ее вера была столь сильна, что она отказывалась верить даже официальным сообщениям о поражениях. Она верила в боевой дух берлинцев и считала, что триумф рейха – всего лишь вопрос времени. Покидая здание, Эрна не сомневалась в том, что через несколько дней военно-морской флот призовет ее обратно.

Были и другие, столь лояльные и столь тесно связанные с верхушкой нацистской иерархии, что они почти не думали о войне и ее последствиях. Опьяненные головокружительной роскошью своего привилегированного положения и слепо преданные Гитлеру, они чувствовали себя не просто в безопасности, но абсолютно защищенными. Одной из таких была симпатичная, синеглазая Кете Райсс Хойзерман.

В доме номер 213 по Курфюрстендам белокурая, жизнерадостная тридцатипятилетняя Кете, ассистентка профессора Хуго Блашке, стоматолога нацистских лидеров, была полностью поглощена своей работой. Блашке обслуживал Гитлера и его приближенных с 1934 года, и ему был пожалован военный чин бригадефюрера СС. Он также был назначен руководителем стоматологического отделения Берлинского медицинского центра СС. Ревностный нацист Блашке, выгодно используя свое сотрудничество с Гитлером, создал самую большую и самую прибыльную частную зубоорудную практику в Берлине. Сейчас он готовился еще раз извлечь выгоду из этого сотрудничества. В противоположность Кете, Блашке ясно видел зловещие предзнаменования и планировал покинуть Берлин при первой же возможности. Если он дождется прихода русских, высокий эсэсовский чин сильно усложнит его положение.

Кете почти не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Она была очень занята. С раннего утра до позднего вечера была на ногах, ассистировала Блашке в различных клиниках и главном офисе его частной практики на Курфюрстендам. Нацистская элита полностью доверяла компетентной и обаятельной ассистентке профессора, и Кете посещала почти все окружение Гитлера, а однажды – даже самого фюрера.

Это событие было кульминационным в ее карьере. В ноябре 1944 года Блашке и Кете были срочно вызваны в ставку фюрера в Раценбурге в Восточной Пруссии. Гитлер мучился острой зубной болью. «Его лицо – особенно правая щека – ужасно распухло, – вспоминала позже Кете. – У фюрера вообще были очень плохие зубы: три моста и всего восемь собственных верхних зубов, да и те с золотыми пломбами. Верхний мост был надежно закреплен на оставшихся боковых зубах, и один из них, зуб мудрости с правой стороны, был серьезно инфицирован».

После осмотра Блашке объяснил Гитлеру, что спасти зуб невозможно и его придется удалить. Более того, необходимо удалить два зуба: последний зуб протеза и инфицированный. Это

означало, что придется распилить фарфор и золото зубного протеза перед последним искусственным зубом, а позже сделать новый протез или починить старый.

Операция предстояла сложная, и Блашке нервничал, потому что невозможно было предсказать, как поведет себя Гитлер. Ситуация осложнялась тем, что фюрер не любил обезболивающие средства. Кете вспоминала, как фюрер сказал Блашке, что согласен только на «необходимый минимум». И Блашке и Кете понимали, что Гитлеру придется претерпеть мучительную боль. Операция могла продлиться от тридцати до сорока пяти минут, но другого выхода у них не было.

Блашке сделал Гитлеру укол в верхнюю челюсть, и операция началась. Кете стояла рядом с фюрером, одной рукой оттягивая его щеку, а в другой держала зеркало. Блашке быстро вонзил сверло бормашины в зубной протез, затем сменил наконечник и начал пилить. Гитлер не шевелился, «как будто заledenел», вспоминала Кете. Наконец Блашке очистил зуб и удалил его. «За всю операцию Гитлер даже не пошевелился, не издал ни слова, – говорила потом Кете. – Это было потрясающе. Мы изумлялись его выдержке».

Все это случилось пять месяцев назад, но до сих пор так ничего и не было сделано с качающимся зубным протезом фюрера. Кроме ближайшего окружения Гитлера, мало кто знал о деталях операции. Одно из главных правил его соратников – все, что касается фюрера, особенно его болезни, остается совершенно секретным.

Кете прекрасно умела хранить секреты. Например, она знала, что для признанной рейхом, хотя и невенчанной первой леди был сконструирован особый зубной протез. Блашке собирался поставить ей золотой мост, как только она появится в Берлине. Любовнице Гитлера Еве Браун протез был действительно необходим.

И наконец, Кете знала один из самых тщательно охраняемых секретов рейха. В ее обязанности входило посылать полный комплект стоматологических инструментов и лекарств туда, где в данный момент находился фюрер. Более того, она делала новый мост с золотыми коронками одной из секретарш Гитлера: невысокой, полной сорокапятилетней Иоганне Вольф. Скоро Кете должна будет примерить Вольфи новый протез в операционной имперской канцелярии. В последние девять недель Кете почти ежедневно сновала между клиникой Блашке и имперской канцелярией. Адольф Гитлер находился там с 16 января.

С приближением ночи город опустел. В бледном свете луны громада Берлина представляла отличную цель для ночной бомбежки. Затаившись, берлинцы ждали авианалета и задавались вопросом, кто из них доживет до утра.

В девять часов вечера появились самолеты ВВС Великобритании. В четвертый раз за сутки взвыли сирены, и началась 317-я бомбардировка города. Генерал-майор Хельмут Рейман продолжал работать в своем кабинете в штабе на Гогенцоллерндам, не обращая внимания на грохот зениток и разрывы бомб. Ему отчаянно не хватало времени.

Всего шестнадцатью днями ранее в дрезденском доме Реймана затрезвонил телефон. Звонил генерал Вильгельм Бургдорф, адъютант Гитлера. «Фюрер назначил вас командующим обороной Дрездена», – сказал Бургдорф. Поначалу Рейман даже не нашелся что ответить. Столица Саксонии XVI века с ее сказочными соборами, замками и булыжными мостовыми за три массированные бомбардировки была разрушена почти полностью. Подавленный гибелью прекрасного старинного города, Рейман не сдержался. «Передайте ему, что здесь нечего защищать, кроме груды мусора», – выкрикнул он и бросил трубку. Его необдуманные, гневные слова произвели неожиданный эффект. Через час Бургдорф позвонил снова: «Взамен фюрер назначил вас командующим обороной Берлина».

6 марта Рейман принял командование. Через несколько часов он совершил ужасающее открытие. Хотя Гитлер и объявил Берлин FESTUNG (крепостью), укрепления существовали только в воображении фюрера. Никаких мер не было предпринято для защиты города от штурма. Не было ни плана, ни линии обороны, и фактически не было войск. Хуже того, не

были сделаны запасы продовольствия для гражданского населения, а плана эвакуации женщин, детей и стариков просто не существовало.

Теперь Рейман работал круглосуточно, лихорадочно пытаясь распутать дикий клубок проблем. Откуда взять войска, артиллерию, боеприпасы и снаряжение для того, чтобы удержать город? Где найти инженеров, технику и материалы для строительства оборонительных сооружений? Позволят ли ему эвакуировать женщин, детей и стариков? Снова и снова он возвращался к главному вопросу: время – сколько у него осталось времени?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.